

Ислам и общество

Материал «круглого стола»

Д.Е. ФУРМАН (доктор исторических наук, Институт Европы РАН).

Цель нашего "круглого стола" — выяснить (разумеется, в какой-то, возможной для нас, степени), как ислам — и прямо, как живая религия, которую исповедуют миллионы людей, подчиняясь ее требованиям и следуя за своими духовными руководителями, и косвенно, как сформированная веками господства ислама культура, воздействующая на сознание и поведение не только верующих, но и "полуверующих", и вообще не верующих, влияет на развитие исламских обществ. Это предполагает рассмотрение целого ряда вопросов.

Прежде всего нам надо уяснить основы мусульманского религиозного мировоззрения, заложенные проповедью и деятельностью пророка Мухаммеда и зафиксированные в священной книге ислама — Коране, а также в Сунне — преданиях о жизни пророка и его сподвижников. Естественно, уяснить специфику религии можно, лишь сравнивая ее с другими религиями, и прежде всего с "нашей" религией, религией нашей культуры — христианством.

Далее. Любая "историческая" религия, религия основателя и "писания" развивается по единой логике. Писание оформляется и фиксируется, на его основе строится догматическая система, "соединяемая" с писанием системой комментариев. Оформляется обладающая средствами поддержания идейной дисциплины, "правоверия", религиозная организация. Все это идет через борьбу догматических партий, дающих разные альтернативные решения проблем, порожденных неизбежной неоднозначностью фиксированного в писании учения, и идет в направлении все большей однозначности и формализованности, уменьшения степеней свободы в дальнейшем развитии учения, его "окаменения". Эти процессы идут и в исламе (как они идут в христианстве, буддизме и других религиях). Но в зависимости от различного изначального содержания учений — в разных религиях они идут по-разному. Мусульманские улама — это не христианское духовенство, умма — не церковь, суфии — не монахи, хотя одновременно в какой-то мере это — функциональные аналоги. Поэтому следующей нашей задачей является выяснить специфику структуры ислама как развитой религии, специфику, порожденную своеобразием исходного религиозного импульса, учения пророка Мухаммада.

Разные религии, естественно, оказывают разное влияние на культуру и социальную жизнь принявших эти религии общества. Это влияние может быть относительно прямым и однозначным, вытекающим из ясных требований религии, и очень сложным и косвенным — через разные формы религиозных организаций, разные типы формируемой разными религиями личности. Нашей следующей задачей поэтому является выяснить (естественно, опять-таки до какой-то возможной для нас степени), как ислам влиял на принявшие его общества.

На смену цивилизациям, основанным на разных религиях, в Новое время приходит принципиально иная цивилизация, основанная на постоянном росте научных знаний и техники. С ними неразрывно связаны свободная рыночная экономика и постоянно расширяющаяся (как "в глубину", так и "вширь") демократия. Мы не считаем, что эта цивилизация "лучше" других и человечество движется от плохого к хорошему. Но,

очевидно, ни одно общество не может не принять рано или поздно ее основных принципов. Эта цивилизация возникает не в мусульманском мире, а в Западной Европе, но постепенно выходит за рамки Западной Европы и Европы вообще, и христианского мира. Постепенно к ней подключается все, но с разными трудностями и разными путями. Чем же обусловлены эти пути, формы и трудности подключения к современной цивилизации разных народов? Очевидно, все же прежде всего особенностями их культур. Вступление в современную цивилизацию — это объективная задача, встающая перед всеми, но решается она по-разному. К важнейшим факторам, порождающим культурные особенности вхождения в современную цивилизацию, несомненно, относится религия. Современная цивилизация — не христианская, хотя возникает в западно-христианском, прежде всего протестантском мире. Она — просто современная, и легкость или трудность ее усвоения не связаны непосредственно с преобладанием христианства или других религий. Нехристианская Япония усвоила ее куда легче и успешнее, чем христианская Россия. И все же религия не может не влиять на формы вхождения в современный мир, и то, что Китай входит в него совсем иначе, чем Индия, несомненно связано и с тем, что Китай — конфуцианский, а Индия — индуистская. Возникает вопрос: какие специфические формы реакции на вызовы современности порождает ислам, есть ли какая-то мусульманская специфика вхождения в современный мир и в чем она заключается?

И наконец, последнее. Мусульманские народы, входившие в состав Российской империи, вместе с нами прошли через десятилетия господства марксистско-ленинской идеологии и коммунистической системы. Революция 1917 г. была революцией православной России, а не Азербайджана или Таджикистана. В исламские страны она пришла извне, с русскими армиями, и навязала идеологию, чуждую им, не вытекающую из логики их внутреннего развития. Тем не менее эти годы не прошли даром, они способствовали модернизации (своеобразной, советской) этих обществ, подчинили их общесоветскому ритму развития, повинувшись логике которого они вместе со всеми пришли к независимости и гибели коммунистической системы. Проблема, которая нас интересует в этой связи — как ислам модифицировал советское и постсоветское развитие этих обществ (и будет модифицировать его в дальнейшем). Хочу подчеркнуть, что эта религиоведческая и культурологическая проблема имеет сейчас особую актуальность, ибо отсутствие достаточной научной рефлексии над ней порождает то, что наше массовое сознание решает ее по-своему, исходя из предрассудков и стереотипов.

Вот те немногие предварительные замечания, которые должны ввести нас в широкий круг обсуждаемых проблем.

Д.Е. ФУРМАН. Мы подошли к концу нашего "круглого стола". Я думаю, что нам удалось в какой-то мере достичь определенного единства — мы не просто выступали каждый со своими соображениями, но развивали и продолжали темы, раскрытые в первом выступлении А.Б. Журавского. В результате было затронуто очень много тем и проблем, но затронуто все-таки не беспорядочно и случайно, а в соответствии с общей логикой темы. Многие вопросы скорее поставлены, чем разрешены, 40, как я думаю, даже постановка логически связанных друг с другом вопросов, соединенных в общую исследовательскую программу, уже определенное достижение. Всем участникам сейчас, очевидно, виднее пробелы их знания и современного знания вообще, яснее, в каком направлении искать.

Я думаю, что есть и еще одна заслуга нашего "круглого стола". Проблема "ислам и общество" имеет совершенно иную "эмоциональную нагрузку", чем, например, "буддизм и общество". "Буддизм и общество" для нас — проблема чисто академическая. "Ислам и

общество" — жизненная проблема, ибо мусульмане — наши сограждане и ближайшие соседи. Но наше отношение к исламу окрашено сложными отношениями с этими соседями в прошлом и настоящем.

Будем откровенны — из всех образов нехристианских религий, существующих в европейском сознании, образ ислама — наиболее негативно окрашен. Это объясняется прежде всего тем, что если буддисты и индуисты никогда нас не завоевывали и не вели с нами религиозных войн, то ислам вытеснил христианство из его традиционного ареала в Сирии, Малой Азии и Северной Африке. Мусульманские армии доходили до Пуатье и Вены, а то, что завоевавшие нас монголо-татары в это время были язычниками и христианами, все забыли, но что было татарское иго, а татары — мусульмане, все помнят. Есть, наверное, еще одна причина особого отношения к исламу. Ислам — молодая религия, возникшая после христианства и потеснившая его. И в силу этого он не вписывается в нашу глубинную, в конечном счете, "архетипичную" картину мировой истории. Эта картина допускает два типа знания, истины — древнее дохристианское знание, ту "древнюю мудрость", в которую легко вписываются буддизм или индуизм и то новое, возрастающее знание, которое открывается с течением времени все более и более. Поскольку ислам возник после христианства, по нашей глубинной "прогрессивистской" схеме, он должен был бы быть "шагом вперед". Но так как этот вывод наше сознание не приемлет, ему как бы не находится ясного места в картине.

Все сообщения газет о терроризме на ближнем Востоке, о приговоре Рушди, о сумгаитском погроме и т.д. и т.п. ложатся на этот изначально окрашенный в несколько негативные тона образ. При этом мы, естественно, не задумываемся о том, что, строго говоря, мы имеем такое же право рассматривать Садама Хусейна продуктом мусульманской цивилизации, как Гитлера и Сталина — продуктами цивилизации христианской, что палестинские террористы имеют отношение к исламу не больше, чем ирландские террористы к католицизму, и т. д.

Ученые и вообще интеллигентные люди должны способствовать разрушению этого негативного образа ислама, как они вообще должны способствовать разрушению всякого рода предрассудков массового сознания. Однако это отнюдь не значит, что вместо негативного образа ислама должен создаваться сусальный образ.

Очевидно, вхождение мусульманского мира в современную цивилизацию, и прежде всего в современную демократию, сопряжено с определенными трудностями. Разумеется, было бы нелепым отрицать тот факт, что Средняя Азия — наименее демократическая часть бывшего СССР или утверждать, что это никак не связано с тем, что эта Средняя Азия — мусульманская. Мучительная трудность усвоения демократических ценностей на арабском Востоке, в Пакистане, Иране — очевидна. Даже Турцию вряд ли можно считать окончательно стабилизировавшимся демократическим обществом. Специфику процесса демократического развития в исламском мире надо изучать и трудности эти прояснять.

Однако при этом не надо терять самого важного — исторической перспективы. Пусть даже Турция — еще не до конца стабилизировавшееся демократическое общество. Может быть, даже она может "сорваться" в анархию, военную диктатуру (как это уже было в новейшей турецкой истории) или даже в ней может возникнуть какой-нибудь вариант агрессивного и нетерпимого исламизма. Но ясно, что к современному демократическому обществу Турция с прошлого века, когда началась турецкая модернизация, большую часть пути уже прошла, что расстояние, отделяющее турецкое общество от стабильно демократического, все равно неизмеримо меньше, чем расстояние, отделяющее его от Османской империи. То же можно сказать про любую мусульманскую страну — про

Египет, который, конечно, не демократическое общество типа германского или французского, но который все же ближе к такому обществу, чем к Египту времен мамлюков, Тунис, которому также не удалось прорваться к демократии, но который все же куда ближе к ней, чем в эпоху деев. Модернизация (а демократизация — лишь аспект общего процесса модернизации, распространения вглубь и вширь современной цивилизации), процесс трудный, но необратимый. Она идет и в Саудовской Аравии, и в Иране, и в Сирии, и в Узбекистане. Нельзя забывать, что общества, демократические институты в которых сейчас представляются чем-то совершенно естественным, еще совсем недавно прошли — Германия — через гитлеризм, Италия — через фашизм и т.д. Итальянская или испанская демократия, я уже не говорю о русской, еще совсем недавно могли казаться чем-то глубоко противоречащим самим основам культуры этих стран, как сейчас представляется узбекская или сирийская.

Закрывая наш "круглый стол", я хочу выразить одно пожелание. Среди участников "круглого стола" не было ученых-мусульман или представителей народов мусульманской культуры. Мы, очевидно, проиграли из-за этого в плюрализме высказанных мнений, в богатстве возможных ракурсов видения обсуждавшихся проблем. Но мы в чем-то и выиграли — выиграли в единстве высказываемых позиций, в появлении чего-то вроде коллективной позиции группы российских ученых. И мы не только предполагаем, но даже надеемся на то, что эта позиция будет объектом критики.